

ГОР БЕЛКИН В РОК-ТУСОВКЕ личность колоритная, хотя в героях не ходит, в звездах замечен не был. А в середине 80-х нырял в благословенные времена свердловского рок-н-ролла как солист — поиграл в легендарной команде «Урфин Джюс» на гитаре, создал свой проект — группу Егора Белкина, записал альбом, где сочинял, пел, гранжировал. В компании недоучившихся рокеров Егор выделялся еще и тем, что закончил факультет философии Уральского университета. Но потом все как-то переменялось. Сольный проект задвинут в долгий ящик, а Белкин помогает Насе Полевой стать «мисс рок-н-ролла», затем помогает уже Славе Бутусову и «Наутилусу» стать героями жанра. А сам все больше уходит в тень. Замученный квартирными, бытовыми, финансовыми заморочками. И вот ему тридцать, а многие ли знают Белкина!!

Оценен ли по заслугам? Конечно, каждый с годами понимает: надо знать свое место в жизни и даже находить в нем приятности. Но неужели нынешняя роль в тени у рок-леди и «каменного гостя» Бутусова — то, к чему стремился этот колоритный парень? Он не устал от журналистов — может быть, поэтому говорит охотней, а главное, откровенней, чем рок-звезды. А, впрочем, друзья утверждают, что он всегда таков, что «Белкин он и в Африке Белкин»...

— Егор, можно ли сказать, что ты был именно тем человеком, который сбил Славу Бутусова с пути прежнего и впустил ему, что «Нау» должен прекратить играть свою «эстрадизированную» музыку, с клавишными и ресторанным сансфоном, и измениться — стать гитарной группой, с плотными, жесткими аранжировками? — Нет и нет. У меня как раз функция обратная. Сначала, безо всяких объявлений, тот попсово-саксофонно-клавишный состав был просто разогнан. Нам всем просто объявили, что коллектив больше не существует... — Ты ведь успел поиграть и в том золотом составе «Нау»... — С конца восьмидесяти седьмого — по восьмидесяти девятый. Мы тогда расстались, а потом вдруг узнали, что вновь возник Дима Умецкий, что они со Славой, что-то готовят. Кто только ни ездит в Москву, от Саши Пантыкина (один из основоположников, самый авторитетный

— Как говорят лабухи, пошла косьба. Когда Слава собрал в Питере новый состав «Наутилус», то с новой программой они приехали к нам в Свердловск — на рок-фестиваль... Народ их так ждал! Думали, опять фейерверк будет. А вышли три парня с гитарами, один на барабанах, и отыграли т-а-ку-ю заунывную программу, просто тоска. У меня тоже сердце изболелось — да что же это такое! Не то что бы она была не отретегирована. Но что-то не то. В текстах непомерное количество падавших ангелов, все мрачное, давящее. Беда!

Затем они поехали по стране собирать стадионы этой новой программой... Как им морды не набили!! Правда, проработав много лет со Славой, могу сказать: что бы он

все ваши выкладки, как услышит «Казанова, Казанова», у нее дно отваливается. Я, помню, и сам, когда впервые «Гуд бай, Америка!» услышал, на меня столько чувств нахлынуло, а я уж вроде человек привычный.

— Известна фраза Троицкого про «Наутилус»: слабая группа со слабым лидером... — С первой частью можно еще поспорить, а вторая вообще странна. Слава не слабая, он, может быть, такой специальный человек, но если упрется рогом, не сдвинуть, хоть стены вались. Эта деликатность его не всеми понимается.

— Егор, мог бы ты сформулировать: за что сейчас «Наутилус» бьется? Мне кажется, подспудно идет борьба за то, чтобы войти в клан команд, которые станут «вечными», такой, что уже не важно, — меняется ли состав, выпуска-

Егор, тебе не хотелось еще раз нагрянуть на философию, и философия, Людская молва упорно твердит, что ты бы мог сделать большую карьеру в философии... Наверняка это было бы более стабильно, интересно, нежели роль гитариста в рок-н-рольном жанре, где почва то и дело уходит из-под ног?

— Мне лично заниматься философией не интересно. Не потому, что неинтересен сам предмет, а просто в том виде, в каком он существует, — это не для меня. Не хочу ходить на заседания кафедры, где сидят скучные тети, где заведующий из серии «хороший человек — это не профессия». В том виде, в каком можно сейчас опубликоваться, лучше вообще не печататься.

— Болото?

— Непролазное. Я уж кам

— 85-го! У меня есть и еще более древние записи. — Почему же с 85-го Белкин замолк? — Не замолк. С Настей, с «Наутилусом» масса работы было! — Но ты работал на кого-то? — На кого-то? Я никогда не делил — свое, чужое. Ну, хорошо, если бы я не работал на «Настю», то кто бы на нее работал? Явись она сразу такой, какая она есть, ее бы точно не приняли. Приходилось выкручиваться. Тогда времена были тяжелые: если ты не рокер — ты дерьмо, осистизали даже тогда, когда какая-то нота «не свозил», не рокерской казалась.

С моей сольной программой мы поехали достаточно много. Но приехали в Ленинград, а здесь меня так осистизали! — То есть в этом не было жертвенности? — Конечно, если бы я не работал ни с «Нау», ни с Настей, то занимался бы своими делами, но я жертвенным огнем не обожжен.

— И все-таки тем самым ты отодвинул свою судьбу наперед: одно дело выйти на сцену, когда тебе двадцать два, другое — когда тридцатник...

— Я не рассчитывал, что это так надолго затянется. До сих пор нелепой мыслью живу: вот сейчас все произойдет, займусь своими делами. Из года в год карусель продолжает. Хотя, может быть, мне и не так уж нужна сольная карьера: я ведь не лидер по жизни, мне особенно не хочется светиться, бегать по сцене главным. Интересен результат, даже не важно — на чьем материале это прочтешо, это сработало. Всех солистов мне всегда было немножко жалко. Я бы не хотел, чтобы в трамвае на меня все глазели. Мы как-то зашли со Славой в обычную столовую — что там было... Господи — масса неудобств. Взять цветочки, чмокнуть в щечку, подписать фотку — все это тысячу раз было.

— Какие все-таки перспективы у Нاستи? Годы бегут. Вен девичий короток. Вы, кстати, давно вместе?

— Десять лет. Если, конечно, это можно назвать вместе. Восьмидесяти процентов — отдельно. Раньше мне удавалось помогать группе «Настя» — иметь репетиционную базу, возить за рубеж, дома концерты делать. Сейчас же ребята сидят, репетируют, записывают новый альбом, а потом меня спрашивают про концерты. Один раз, другой спрашивают... А я ничего ответить не могу.

Я не могу каждому музыканту из своего кармана платить по четыре-пять тысяч. Насте — другое дело. Дома у нее есть база, студия. У нас-то у всех гонки, все хотят быть тип-топ. Ей же интересен сам процесс работы. Если бы мы не «поволокли» ее наружу, она бы так и записывалась сама по себе. Настя вообще отказывается от многих вещей, которые могли быть полезны. Не разговаривает ни с кем, если человек ей не нравится. Пусть хоть самый важный, самый полезный человек...

Ей нужно помогать, в противном случае она должна будет работать непонятно где. Ну кто она? Архитектор. Что Слава, что она... Кому сейчас нужны архитекторы? Тем более, с таким прерванным стажем. К тому же еще и путаница происходит — появилась какая-то певица Анастасия. Бывает, на концерт приходят люди, которые начинают орать: мол, это не то...

— В творческом плане «Настя» на каком сейчас уровне?

— Мое мнение можно не

учитывать, я человек заинтересованный, но БГ, Гарик Сукачев, Слава, Юрка Шевчук ценят ее высоко. Ничего удивительного, она совершенно особый человек, который пишет совершенно особую музыку. И даже если ни у кого ничего не будет выходить, ее пластинки все равно будут появляться. Конечно, всю рекламу мне не потянуть, хотя, черт его знает, может быть, какие-нибудь спонсоры и найдутся. Я знаю, как этот материал надо подать, каким должен быть клип, кто его должен снимать... Буду сама ходить, заключать эти идиотские договоры. Хотя сейчас все музыканты на территории России твердят: дайте денег — и мы сдвинем эту машину!

— Егор, чем объясняется тяга свердловских музыкантов к Питеру? Ты тоже живешь на два города.

— Альтернативной Питеру может быть только Москва. Сидеть в Хабаровске или в Урюпинске бесполезно. И в Екатеринбурге, который теперь не отличается от любого Урюпинска. Раньше был рок-клуб, была какая-то тусовка, было приковано внимание к Свердловску. Правда, мы думали, что Москва и Питер — примерно одно и то же. Сейчас поняли, что не стоит кричать душой, — Москва есть Москва. Но мы там не хотим жить ни при каких обстоятельствах. И в Свердловске жить тоже не могу. Как узижу эти лица с печатной обреченности — мне страшно, больно за них. Раньше, когда сам там находился, не замечал. А потом понял: там кранты, люди ни во что не верят. А музыкантам особенно нужна живая атмосфера, перспектива.

Питер хорош еще и тем, что все «наши» тут, вся музыкантская обойма. На моей памяти всегда музыканты друг другу ножку подставляли, а здесь этого нет. Наоборот, все помогают друг другу. БГ в этом смысле ужасный человек, хотя и ему сейчас не сладко.

— Что же должно в нашем рок-н-ролле измениться, чтобы наступил прорыв?

— Если пластиночная индустрия будет развиваться, все будет нормально. Пока же получается, существуем только для того, чтобы откатывать материал, который уже сделан. А дальше? Если мы сейчас не изменим темп работы, будет очень трудно. Будем как «Машина времени»... А что? У нас много песен, можем вспоминать старые, переделывать их и неплохо жить...

— «Наутилус» сейчас много гастролирует?

— Больше многих. У нас было концертов сто за лето.

— Говорят, концерты нынче практически убыточны?

— Ну, ну, что бы нас тогда пригласили! Мы неплохие деньги зарабатываем. Сравнительно, конечно. Среди рок-обоймы.

— Егор, почему так получается, что когда слушаешь западную музыку, то она оставляет ощущение гармоничности, таланта, а у нас — нет? Слушаешь Фредди Меркьюри и понимаешь, что вечность коснулась его крылом... А у нас такая тоска, такая бедность идей и талантов...

— Мы люди не такие. Очень и очень скованные. Уже не знаю, одной целью или несколькими. Всего боимся. Мой коллега-гитарист говорит: «Я чистые аккорды играть не буду». Почему? «Да потому, что это западно!» Бог мой, разве у западного музыканта такая мысль возникнет! Он будет играть так, как должно, и при этом не думать — как это будет выглядеть. Пока у нашего музыканта стоит вопрос — «как я буду выглядеть со

сторонами», он не станет играть хорошо.

Там традиции чут, у нас норовят разворотить.

Заметь, как только у нас какое-нибудь стебловое типа «Дюны» или «Любэ», так сразу удача! Стебануться мы завсегда! А сделать нормальную, крепкую вещь не получается. Потому что нет внутри ни нормальности, ни крепости. Овца не может родить лва, а мы овцы все по жизни.

Когда это пройдет, а я на это надеюсь, что-то изменится. Но для этого надо постоянно себя как в зеркале отражать, постоянно думать: что я есть, какой я сейчас? Надо пробовать. Слава попробовал — молодец! Можно спорить — но хотя бы есть о чем спорить. Он попытался себе создать новый имидж, слепить кого-то из себя, но слепить из имеющихся у него внутри средств. Невозможно представить себе Бутусова в роли Богдана Титомира. Проза, если бы он такое сделал, это было бы зрелище, супершоу!

— Не следует ли из этого, что все вы — вошла ли твоя команда в число великих или прозябает на задворках рок-клубов — материал для последующих поколений, которые когда-нибудь начнут делать на Руси настоящую рок-музыку?

— Скорее всего, мы даже перагной...

— Причем за нами не видно юных рок-бобов, что дышат в затылок, наступают на пятки. Может быть, они где-то сидят, репетируют?

— Репетируют. И есть там много интересного. Правда, мне не нравится, что молодые идут по пути самому простому. Кто-то понял, что больные дядьки, типа «Лед Зепелина», «Битлз» и прочих монстров, заняли ключевые посты, а к тому же, чтобы сделать то же самое, нужно обладать великим талантом, что не каждому дано... Я не хочу никого обидеть, но человек, который может написать простецкую мелодию на годы, на десятилетия, с моей точки зрения, гораздо предпочтительней, чем музыкант, который может отчесать два с половиной часа полупайка — получертзнает-чего.

Чем хороша была наша свердловская тусовка? Всем хотелось написать звоноч! Чтобы задело, чтобы запало, чтобы самому приятно было петь, чтобы публика хлопала и еще масса всяких «чтобы»... Ворозать — так миллионы! — так королеву! Это нас и спасло. Спасает и теперь. Естественно, нам трудней, потому что когда ставишь себе такую цель, пахать приходится без передышки. Башка иногда трещит оттого, что «не выходит каменный цветок». Сама благодать не снизойдет. Можно пить, гулять, колотиться — ничего не выйдет!

Общение мы наглухо вышибили... Даже фестивали не спасают, потому что там мы не общаемся. На последнем фестивале в Сочи нас всех раскидали по разным гостиницам, все приехали со своими самоварами, женами, телохранителями. Чуть ли не в платяном шкафу удавалось перекинуться несколькими словами, и тут же жены, дети позывались: «Вася! Коля! Петя! Поди сюда!» А раньше можно было всю ночь просидеть на кухне в разговорах о том, что было и что, может быть, когда-нибудь будет. И там была не пустая болтовня. Сейчас это утеряно, и я не знаю, как мы будем выкручиваться из этого положения.

Михаил САДЧИКОВ

Егор Белкин за спиной у Вячеслава Бутусова.

Фото Владимира ПАВЛОВА

ЗА СПИНОЙ У "КАМЕННОГО ГОСТЯ"

Смена — Санкт-Петербург — 1992 — 16 сент. — с. 6

ни делал, народ его все равно любит! И вот Слава вызывает меня с неизвестной целью в Таллинн и там предлагает: «Так, мол, и так — надо нам вместе работать!» Я же сомневался: «Слава, я на один грабли два раза не наступлю!» Но наступил.

— Мне даже говорили, что сейчас ты — самый близкий друг Славы...

— Это вряд ли. У Славы друзей, кроме Димки Умецкого, по-моему, и не было.

— Что все-таки явилось результатом твоего второго пришествия в «Нау»?

— Вторая пластинка, которая записана прошлой зимой, все-таки более ровная, более мелодичная, в чем-то даже «попсовая». Две песни — «Прогулки по воде» (в простонародии называемая «Андрюха») и «На берегу безымянной реки» (в простонародии «Ламбада») — они бы раньше никогда не стали играть. Для них это поп-са. Гога такой «кинди» (так называют музыкантов и группы, которые играют альтернативную, «не зависящую» от большого шоу-бизнеса рок-музыку. — Прим. авт.), у Саши тоже опыт «Телевизора».

Но я спросил Славу: «Скажи честно, чего ты хочешь? Играть в маленьких клубах, быть «кинди»? Но с тем имиджем, что у тебя есть, — это просто билет купить и не ехать. Давай попробуем, особенно не ущемляя ваших эстетических установок, сделать нормальную мелодичную музыку».

— Слава, помню, в нескольких интервью со мной подчеркивал, что ему было бы скучно одной и той же музыкой заниматься...

— Дело даже не в скучно-не скучно. Просто невозможно! Наступает момент, когда два раза одно и то же не сделаешь. Это же популяристы умудряются менять только тексты, а все остальное оставляют. В нашем же варианте этот номер не пройдет, фальшь сразу будет заметна.

— Плюс психологическое давление роковой публики, которая раньше любила упрекать «Нау» в попсовости...

— Те люди, к чему мнению Слава вообще прислушивается, достаточно мудры, чтобы понять, что есть единственное деление — на хорошую и плохую музыку.

Но, ребята, публике ведь не прикажешь, она плевала на

яются ли новые альбомы — все равно группа остается любимой...

— А это мы как бы уже и сделали. В эту обойму входят «ДДТ», «Алиса», «Аквариум», «Наутилус» и, пожалуй, «Бригада С.». Кстати, я разговаривал со всеми и понял, что каждая из вышеупомянутых групп не считает себя входящей в эту обойму, из чего окончательно заключил, что на самом деле мы и есть обойма. Во всех тусовках играем вместе, в сознании народа мы неразрывны...

— Что ж, таксе вхождение в «вечные», казалось бы, гарантирует успех. Стабильность на многие годы вперед. Но вот в Сочи на рок-фестивале ваша вечная компания едва ползала собралась...

— Публика в Сочи все равно не наша. Ну кто на нас ходит? Та публика, что еще чего-то ждет от этой жизни. Сочинская же охотней пойдет на Киркорова. Но мы знали, что так все и будет, до нас на юг «Алиса» съездила и собрала двести человек. Просто нам хотелось немножко отдохнуть. К тому же эти ползала принимали всех «на ура».

Еще недавно все, что делали ведущие рок-музыканты, было гениальным, а теперь мы опять вынуждены пахать, совершенствоваться. Я однажды был свидетелем разговора с Макаревичем, когда тот сказал, что он, мол, старейший... но однажды выскочил на поверхность — и все, сейчас можно по этой наклонной катиться всю жизнь. На Славу в каком-то плане этот разговор, по-моему, повлиял, хотя от него информации не добился... Но если так, то это — катастрофа. Поэтому что превратится в «Машину времени» — это же... Нет, я к ним хорошо отношусь...

— Все же их любим!

— Но это же не совсем то, чего мы хотим! Я перестану себя уязвлять, если не буду развешиваться, совершенствоваться. Я должен сам захотеть поехать на концерт, должен создать такую программу, которую захочу показать.

У многих групп сейчас беда — у тех же «Настий», «Агаты Кристи»... Великолепные программы, а поехать не могут. Если уж такие команды, как «ДДТ» и мы, не собирают залы, как же повезут других, кто рискнет, какими деньгами?

только не был — слесарем, пекарем, токарем, философом, кем угодно! — и всегда наступал момент, когда чувствовал, что смогу овладеть этой профессией. Но в музыке... Пятнадцать лет занимаюсь этой ерундой и не могу сказать, что я профессиональный человек. До сих пор интересно.

Конечно, увидеть свою работу напечатанной в научном журнале — приятно. Но — пятьдесят минут. А вот написать хорошую песню, которая «останется в веках», или хотя бы лет десять будет звучать, — это, я понимаю, удовольствие.

— Не изменится ли тебе, Егор, что твой имидж из сцене слишком скромный. Очень часто о Белкине говорят знающие люди: мол, это такой интересный человек, такой музыкант. А на сцене посмотришь — и не знаешь, что Белкин блистает. Сидит себе на сцене (именно — сидит!) и что-то наяривает на гитаре. И все твои рок-шоу!

— А почему бы нет!! У Белкина метр восьмидесяти семь, если он встанет, то начнет отлеплять на себя внимание. Мы намеренно стараемся «расслабляться» по сцене, чтобы публика не отвлекалась от Славы, от его имиджа «каменного гостя».

— Извини, но вы не можете друг другу помогать! Ну как может помогать гитарист вокалисту, наоборот — упрямит группу! Знаешь, для меня музыканты, что играют в «ДДТ», «Аквариуме», — более одушевленные, индивидуализированные, чем ребята из «Наутилус»...

— Хорошо, если уж пошел такой разговор, то, знаешь, Миша, из всей сегодняшней программы есть несколько всего моментов, которые играю с удовольствием. Парадоксально, может быть, звучит: чего ж я играю тогда все остальное!! Играю потому, что мы так договорились.

— Тебя эта роль устраивает?

— Она меня будет устраивать до тех пор, пока не скажу себе: все, состоялась группа! Раньше мне хотелось работать в такой группе, когда все равны. Но получается сложнее, хотя сейчас наметки стили у «Нау» появляются. Нужно это все закрепить. После чего можно будет сказать: дело сделано! Смогу тогда передохнуть и сделать что-то свое.

Егор, я слышал о твоём сольном альбоме 87-го года...

только не был — слесарем, пекарем, токарем, философом, кем угодно! — и всегда наступал момент, когда чувствовал, что смогу овладеть этой профессией. Но в музыке... Пятнадцать лет занимаюсь этой ерундой и не могу сказать, что я профессиональный человек. До сих пор интересно.

Конечно, увидеть свою работу напечатанной в научном журнале — приятно. Но — пятьдесят минут. А вот написать хорошую песню, которая «останется в веках», или хотя бы лет десять будет звучать, — это, я понимаю, удовольствие.

— Не изменится ли тебе, Егор, что твой имидж из сцене слишком скромный. Очень часто о Белкине говорят знающие люди: мол, это такой интересный человек, такой музыкант. А на сцене посмотришь — и не знаешь, что Белкин блистает. Сидит себе на сцене (именно — сидит!) и что-то наяривает на гитаре. И все твои рок-шоу!

— А почему бы нет!! У Белкина метр восьмидесяти семь, если он встанет, то начнет отлеплять на себя внимание. Мы намеренно стараемся «расслабляться» по сцене, чтобы публика не отвлекалась от Славы, от его имиджа «каменного гостя».

— Извини, но вы не можете друг другу помогать! Ну как может помогать гитарист вокалисту, наоборот — упрямит группу! Знаешь, для меня музыканты, что играют в «ДДТ», «Аквариуме», — более одушевленные, индивидуализированные, чем ребята из «Наутилус»...

— Хорошо, если уж пошел такой разговор, то, знаешь, Миша, из всей сегодняшней программы есть несколько всего моментов, которые играю с удовольствием. Парадоксально, может быть, звучит: чего ж я играю тогда все остальное!! Играю потому, что мы так договорились.

— Тебя эта роль устраивает?

— Она меня будет устраивать до тех пор, пока не скажу себе: все, состоялась группа! Раньше мне хотелось работать в такой группе, когда все равны. Но получается сложнее, хотя сейчас наметки стили у «Нау» появляются. Нужно это все закрепить. После чего можно будет сказать: дело сделано! Смогу тогда передохнуть и сделать что-то свое.

Егор, я слышал о твоём сольном альбоме 87-го года...

только не был — слесарем, пекарем, токарем, философом, кем угодно! — и всегда наступал момент, когда чувствовал, что смогу овладеть этой профессией. Но в музыке... Пятнадцать лет занимаюсь этой ерундой и не могу сказать, что я профессиональный человек. До сих пор интересно.

Конечно, увидеть свою работу напечатанной в научном журнале — приятно. Но — пятьдесят минут. А вот написать хорошую песню, которая «останется в веках», или хотя бы лет десять будет звучать, — это, я понимаю, удовольствие.

— Не изменится ли тебе, Егор, что твой имидж из сцене слишком скромный. Очень часто о Белкине говорят знающие люди: мол, это такой интересный человек, такой музыкант. А на сцене посмотришь — и не знаешь, что Белкин блистает. Сидит себе на сцене (именно — сидит!) и что-то наяривает на гитаре. И все твои рок-шоу!

— А почему бы нет!! У Белкина метр восьмидесяти семь, если он встанет, то начнет отлеплять на себя внимание. Мы намеренно стараемся «расслабляться» по сцене, чтобы публика не отвлекалась от Славы, от его имиджа «каменного гостя».

— Извини, но вы не можете друг другу помогать! Ну как может помогать гитарист вокалисту, наоборот — упрямит группу! Знаешь, для меня музыканты, что играют в «ДДТ», «Аквариуме», — более одушевленные, индивидуализированные, чем ребята из «Наутилус»...

— Хорошо, если уж пошел такой разговор, то, знаешь, Миша, из всей сегодняшней программы есть несколько всего моментов, которые играю с удовольствием. Парадоксально, может быть, звучит: чего ж я играю тогда все остальное!! Играю потому, что мы так договорились.

— Тебя эта роль устраивает?

— Она меня будет устраивать до тех пор, пока не скажу себе: все, состоялась группа! Раньше мне хотелось работать в такой группе, когда все равны. Но получается сложнее, хотя сейчас наметки стили у «Нау» появляются. Нужно это все закрепить. После чего можно будет сказать: дело сделано! Смогу тогда передохнуть и сделать что-то свое.

Егор, я слышал о твоём сольном альбоме 87-го года...

только не был — слесарем, пекарем, токарем, философом, кем угодно! — и всегда наступал момент, когда чувствовал, что смогу овладеть этой профессией. Но в музыке... Пятнадцать лет занимаюсь этой ерундой и не могу сказать, что я профессиональный человек. До сих пор интересно.

Конечно, увидеть свою работу напечатанной в научном журнале — приятно. Но — пятьдесят минут. А вот написать хорошую песню, которая «останется в веках», или хотя бы лет десять будет звучать, — это, я понимаю, удовольствие.

— Не изменится ли тебе, Егор, что твой имидж из сцене слишком скромный. Очень часто о Белкине говорят знающие люди: мол, это такой интересный человек, такой музыкант. А на сцене посмотришь — и не знаешь, что Белкин блистает. Сидит себе на сцене (именно — сидит!) и что-то наяривает на гитаре. И все твои рок-шоу!

— А почему бы нет!! У Белкина метр восьмидесяти семь, если он встанет, то начнет отлеплять на себя внимание. Мы намеренно стараемся «расслабляться» по сцене, чтобы публика не отвлекалась от Славы, от его имиджа «каменного гостя».

— Извини, но вы не можете друг другу помогать! Ну как может помогать гитарист вокалисту, наоборот — упрямит группу! Знаешь, для меня музыканты, что играют в «ДДТ», «Аквариуме», — более одушевленные, индивидуализированные, чем ребята из «Наутилус»...

— Хорошо, если уж пошел такой разговор, то, знаешь, Миша, из всей сегодняшней программы есть несколько всего моментов, которые играю с удовольствием. Парадоксально, может быть, звучит: чего ж я играю тогда все остальное!! Играю потому, что мы так договорились.

— Тебя эта роль устраивает?

— Она меня будет устраивать до тех пор, пока не скажу себе: все, состоялась группа! Раньше мне хотелось работать в такой группе, когда все равны. Но получается сложнее, хотя сейчас наметки стили у «Нау» появляются. Нужно это все закрепить. После чего можно будет сказать: дело сделано! Смогу тогда передохнуть и сделать что-то свое.

Егор, я слышал о твоём сольном альбоме 87-го года...